
НЕСКОЛЬКО ВСТУПИТЕЛЬНЫХ СЛОВ

Фамилия Чемберлен сегодня известна, пожалуй, каждому российскому читателю. Даже далекие от истории люди оперируют расхожим выражением «Наш ответ Чемберлену!», хотя и не всегда имеют достаточное представление о том, что это за джентльмен и почему он нуждается в ответе.

Чтобы никого не вводить в заблуждение, сразу оговорюсь: в этой книге речь пойдет не о том самом Остине Чемберлене¹, который, будучи министром иностранных дел Британской империи, в 1927 году разорвал дипломатические отношения с Советским Союзом, по поводу чего ему и порывались отвечать. Речь пойдет о его брате Невилле, который добился больших карьерных высот. Единственный из династии Чемберленов он стал премьер-министром Великобритании, в сентябре 1938 года трижды летал в Германию, а точнее сказать, в рейх на переговоры с Гитлером (и ценой именно его усилий было подписано знаменитейшее Мюнхенское соглашение), в сентябре 1939-го объявил о вступлении Британии в германо-польский конфликт, тем самым начав Вторую мировую войну, и по сей день считается одной из самых спорных и противоречивых исторических фигур XX века.

¹ *Остин Чемберлен (Chamberlain; 1863—1937)* — консерватор, член парламента; в 1924—1929 годах — министр иностранных дел Великобритании, лауреат Нобелевской премии мира (1925) за Локарнские соглашения.

Тогда как на Западе выпущена далеко не одна биография Невилла Чемберлена², в Советском Союзе и позже, в постсоветской России ни одной книги о нем написано не было. Была издана монография Л. Е. Кертмана «Джозеф Чемберлен и сыновья»³, но в ней львиная доля внимания уделена отцу-основателю этой политической династии; о Невилле, младшем сыне, говорится лишь в последней главе. Вероятно, причиной тому явилось однозначное восприятие его советской историографией, в которой премьер-министр Невилл Чемберлен – олицетворение мирового зла. Причем зла недалекого, неумного, не столь остроумного, как, например, Уинстон Черчилль, русскоязычной литературы о котором – огромное количество. (Правда, качество ее оставляет желать лучшего, и со времени появления знаменитой «зеленой книги» Трухановского⁴ оно только ухудшается. Вышедшая в этой же серии «ЖЗЛ» книга Франсуа Бедарида⁵ – редкий пример противоположного.)

«Акула империализма», «кровожадный болван» – так характеризовали бывшего британского премьер-министра Невилла Чемберлена в СССР; даже сегодня в России появляются книги, где можно встретить утверждение, что «Н. Чемберлен был попросту сошедшим с ума человеком»⁶. Как сумасшедшему старику удавалось почти три года, причем решающих года не только для его родины, но и для всего мира, управлять Британской империей, остается тайной, на которую настоящее жизнеописание Невилла Чемберлена и пытается пролить свет.

Существенную роль в демонизации Чемберлена в глазах советских читателей сыграл Иван Михайлович Майский – дипломат, бывший полпредом в Лондоне порядка тринадца-

² *Hodgson S. The Man Who Made the Peace: Neville Chamberlain, A Study.* L., 1938; *Shaw D. K. Prime Minister Neville Chamberlain.* L., 1939; *Feiling K. Life of Neville Chamberlain.* L., 1946; *Macleod I. Neville Chamberlain.* NY., 1962; *Dilks D. Neville Chamberlain. V. 1 Pioneering and reform, 1869–1929.* Cambridge University Press, 1984; *Dutton D. Neville Chamberlain.* L., 2001; *Self R. Neville Chamberlain: a biography.* NY., 2006; *Macklin G. Chamberlain (British Prime Ministers of the 20th Century).* L., 2006; *Smart N. Neville Chamberlain.* L., 2010.

³ *Кертман Л. Е. Джозеф Чемберлен и сыновья.* М., 1990.

⁴ *Трухановский В. Г. Уинстон Черчилль.* М., 1982.

⁵ *Бедарида Ф. Черчилль.* 4-е изд. М.: Молодая гвардия, 2011.

⁶ *Мартиросян А. Б. Заговор маршалов. Британская разведка против СССР.* М.: Вече, 2003.

ти лет⁷. Майский неоднократно лично встречался с Чемберленом — и в период, когда тот был министром финансов, и позже, когда он стал премьер-министром. В объемном литературном наследии бывшего полпреда⁸ превалирует мысль, что «в памяти человечества (именно человечества, а не только Великобритании) он <Н. Чемберлен> остался зловещим монстром, которого оно долго не забудет». Впрочем, доставалось от Майского всем. Даже его любимцы Черчилль и Ллойд Джордж тут же получали уничижительные характеристики, стоило им только сказать что-либо вразрез с его мнением. Майский совершенно по-бунински ядовит и беспощаден. И если читателей, интересующихся тем историческим периодом, не пугает откровенно ангажированная литература, то из всех объемных произведений Майского они могут не без пользы уделить время недавно увидевшему свет трехтомному «Дневнику дипломата»⁹.

Ценна эта подборка дневниковых записей Ивана Михайловича тем, что, несмотря на общий тон, в ней много интересных деталей, позволяющих лучше разглядеть тех далеких, странных государственных деятелей с черно-белых фотографий, которые «отказывались от водки, но не возражали против глнтвейна» в советском полпредстве, «закидывали одну на другую свои длинные тощие ноги», слушали фокстроты, «крыли матом правительство»... Словом, представить их живыми людьми со всеми недостатками (о достоинствах Майский писать, как говорится, не спешил).

Однако воспринимать Невилла Чемберлена и его окружение только через призму советской исторической литературы ныне было бы нечестно и, более того, недальновидно в смысле исторических уроков. Западные ученые до сих

⁷ Иван Михайлович Майский (Ляховецкий; 1884—1975) — советский дипломат, историк, публицист. С 1922 года на дипломатической работе: в 1929—1932 годах — полпред в Финляндии, в 1932—1943 годах — посол в Великобритании.

⁸ Майский И. М. Перед бурей. М., 1945; Майский И. М. Воспоминания советского посла в Англии. М., 1960; Майский И. М. Кто помогал Гитлеру. Из воспоминаний советского посла. М., 1962; Майский И. М. Воспоминания советского посла: В 2 кн. М., 1964; Майский И. М. Б. Шоу и другие. Воспоминания. М., 1967; Майский И. М. Воспоминания советского дипломата. 1925—1945. М., 1971; Майский И. М. Люди. События. Факты. М., 1973.

⁹ Майский И. М. Дневник дипломата. Лондон: 1934—1943: В 3 ч. М., 2006.

пор о премьер-министре не забывают, исследования о его жизни и деятельности появляются с завидной регулярностью¹⁰. Новая книга о нем выходит в свет практически каждое десятилетие начиная еще с 1938 года, когда в самый разгар премьерства Чемберлена вышла его биография, написанная Ходжсоном¹¹. В большинстве новых исследований основная мысль заключается в том, что Невилл Чемберлен — фигура трагическая.

В чем же состоял его трагизм? В первую очередь в том, что он не умел выбирать международных партнеров для ведения дел. Как выразительно заметил однажды британский посол в Германии Гендерсон: «Невозможно играть в шахматы с человеком, который слоном пытается ходить так же, как конем»¹². Посол это говорил конкретно о германском рейхсминистре фон Риббентропе, и говорил не совсем справедливо. У этих двоих, Гендерсона и Риббентропа, была стойкая взаимная антипатия. Тем не менее общий посыл выражает и отношение большинства западных историков к переговорам Чемберлена с рейхом и лично с Адольфом Гитлером.

Все историки сходятся в том, что если бы в 1937 году Невилл Чемберлен неожиданно умер, он несомненно вошел бы в историю как величайший британский премьер. Три сентябрьские встречи премьер-министра с фюрером в следующем году, завершившиеся подписанием Мюнхенского соглашения 30 сентября 1938 года и триумфальной фразой о «мире для нашего поколения», фактически подвели черту под всей предыдущей деятельностью Чемберлена. То, что было сделано им на поприще политики внутренней (а это он восстанавливал страну после Первой мировой, занимаясь социальными реформами; он пытался спасти подорванную экономику в годы мирового кризиса, будучи министром финансов), блекнет и теряется на поприще его внешнеполитических деяний.

Переговоры с Гитлером осенью 1938 года, последующее предоставление гарантий Польше в марте 1939-го, наконец, объявление войны рейху в сентябре того же 1939-го...

Однако ряд фактов, которые будут представлены в этой книге, позволяет говорить, что основная трагедия

¹⁰ *Self R.* Neville Chamberlain: a biography. NY., 2006; *Macklin G.* Chamberlain (British Prime Ministers of the 20th Century). L., 2006; *Smart N.* Neville Chamberlain. L., 2010.

¹¹ *Hodgson S.* The Man Who Made the Peace: Neville Chamberlain, A Study. L., 1938.

¹² *Henderson N.* Failure of a Mission. L., 1940. P. 239.

«джентльмена с зонтиком» заключается не только в том, что он пожимал руки таким людям, как Адольф Гитлер, но и в том, что он верил своим же соратникам, друзьям, империалистам, «побившим рекорд по утонченности своего отвратительного лицемерия», — как писал когда-то, на заре XX века, о британских политиках В. И. Ульянов-Ленин.

Окружение Чемберлена оставило огромный пласт мемуарной литературы¹³. Пожалуй, единственный, кто не посчитал нужным обнародовать свою точку зрения на все происходившее тогда, был сэр Хорас Уилсон¹⁴. О нем будет сказано в книге особо, поскольку многие считали этого человека «злым гением» Чемберлена и его политики. А сэр Кингсли Вуд¹⁵, до определенного момента один из самых близких друзей премьер-министра, просто не успел оставить мемуары ввиду скорострительной смерти.

Подавляющее же большинство остальных участников тех далеких событий выпускали иной раз и не одну, а несколько книг, что, безусловно, также позволяет увидеть до крайности субъективные, но тем и интересные оценки и мнения. К примеру, дневники¹⁶ сэра Александра Кэдогана¹⁷ порой даже увлекательнее дневников Майского, но, к

¹³ *Lloyd George D. War Memoirs*. L., 1934; *Henderson N. Failure of a Mission*. L., 1940; *Henderson N. Water under the bridges*. L., 1945; *Lord Chatfield. It might happen*. L., 1947; *Churchill W. The gathering storm*. L., 1948; *Churchill W. The second world war*. L., 1959; *Duff Cooper A. Id men forget*. L., 1953; *Simon J. Retrospect: the Memoirs of the Rt. Hon. Viscount Simon G.C.S.I., G.C.V.O.* L., 1952; *Viscount Templewood. Nine troubled years*. L., 1954; *Lord Strang. Home and Abroad*. L., 1956; Earl of Halifax. *Fulness of days*. L., 1957; *Lord Vansittart The mist procession*. L., 1958; Earl of Avon. *The Eden Memoirs: Full Circle*. L., 1960; Earl of Avon. *The Eden Memoirs: Facing the Dictators*. L., 1962; Earl of Avon. *The Eden Memoirs: the Reckoning*. L., 1965; *Macmillan H. Wings of Change*. L. 1966; Mosley O. *My life*. L., 1968; Lord *Butler. The art of the Possible*. L., 1971; etc.

¹⁴ Сэр Хорас Джон Уилсон (*Wilson*; 1882–1972) — британский политический деятель. С 1921 года — на государственной службе. В 1930–1939 годах — главный советник правительства по индустриальным вопросам. В 1935–1940 годах — постоянный советник премьер-министра.

¹⁵ Кингсли Вуд (*Wood*; 1881–1943) — консерватор, парламентный секретарь Н. Чемберлена, министр здравоохранения в 1935–1938 годах, министр авиации в 1938–1940 годах.

¹⁶ *Dilks D. The Diaries of Sir Alexander Cadogan, 1938–1945*. L., 1971.

¹⁷ Сэр Александр Джордж Монтегю Кэдоган (*Cadogan*; 1884–1968) — посланник, посол Великобритании в Китае в 1933–1936 годах, помощник заместителя министра иностранных дел в 1936–1937

сожалению, они не были переведены на русский, поэтому доступны читателям только в оригинале. Зато была переведена, причем еще в 1950-е годы, большая часть из трехтомных мемуаров Леопольда Эмери¹⁸ «Моя политическая жизнь»¹⁹. Очевидно, советским издателям показалось важным обнародовать в СССР мнение человека, который основных государственных постов никогда не занимал, но не без оснований похвалялся тем, что именно он сверг правительство Чемберлена.

В общем и целом коллеги и подчиненные Невилла Чемберлена откровенно не «клевали» его в своих воспоминаниях. Достаточно было и того, что практически все они его предали в мае 1940 года. Только «барон прессы» лорд Бивербрук (впрочем, не самостоятельно, а с помощью коллектива нанятых авторов) еще при жизни премьера выпустил разгромную брошюру «Виновные люди»²⁰, в которой клеймил позором и своего друга, и всех других. Остальные мемуарные рассуждения в основном сводятся к мудрости задним числом и доказательству справедливости своих же собственных действий и суждений; взять на себя ответственность за политику всей Британской империи, как сделал это Чемберлен, его коллеги и друзья, что называется, не спешили.

Сам премьер-министр ни о каких мемуарах не помышлял. В конце сентября 1940-го покинув Кабинет и уйдя с поста лидера Консервативной партии, Невилл Чемберлен продолжал по мере сил вникать в государственные дела, просматривал правительственные бумаги по специальному разрешению Его Величества Георга VI, что и стало его официальной наградой (от иных, в том числе от любых титулов, Чемберлен отказался).

Однако, на счастье историков, Чемберлен на протяжении почти всей жизни вел переписку со своими сестрами, особенно с Идой и Хильдой, с которыми был очень близок с самого детства. Письма эти были изданы под редакцией американского «чемберленоведа» и архивиста Роберта Селфа четырьмя томами²¹. Переписка начинается с марта 1915

годах, постоянный заместитель министра иностранных дел в 1938–1946 годах.

¹⁸ *Леопольд Стеннет Эмери (Amery; 1873–1955)* – консерватор, член парламента Великобритании.

¹⁹ *Эмери Л. С. Моя политическая жизнь.* М., 1960.

²⁰ *Cato. Guilty men.* L., 1940.

²¹ *The Neville Chamberlain Diary Letters. V. 1–4: 1915–1940.* Edited by Robert C. Self. L., 2000.

года, когда Чемберлен еще готовился стать лорд-мэром своего родного Бирмингема, и оканчивается сентябрем 1940 года. Селф, комментируя одно из последних писем Невилла Чемберлена, в котором тот говорит, что не заботится о собственной репутации и историки смогут сделать правильные выводы о его политике и о нем самом²², приходит к выводу, что данное утверждение стало одним из самых впечатляющих заблуждений экс-премьер-министра.

Выдержками из дневников богато дополнена и официальная биография Невилла Чемберлена, так называемый «Лайф»²³, которую написал Кит Фейлинг в 1944 году. Книга не раз переиздавалась и по сей день является одной из лучших и полных книг о Чемберлене.

Особенность же настоящего жизнеописания не только в уникальности героя и политических событий вокруг него, о которых горячо спорят до сих пор, но и в том, что герой в основном будет говорить сам — посредством своих писем и дневниковых записей. Его переписка не подвергалась никакой редакции, сестры бережно сохраняли полученную корреспонденцию и после смерти Чемберлена передали ее в архив Бирмингемского университета. Дневники свои он также не правил (в отличие от Лео Эмери, который перед публикацией мемуаров в 1955 году дневник за 1917 год просто заново написал). Единственная цензура, которую проходили мысли Невилла Чемберлена перед тем, как лечь на бумагу, — его личные сиюминутные ощущения.

До сих пор российскому читателю в основном предлагалась одна точка зрения на те далекие события — Уинстона Черчилля. С книгой Эмери, по тону мало отличающейся от трудов «английского бульдога», мало кто знаком. В настоящей же книге помимо главного героя говорить будут и другие участники событий, мнение Черчилля зачастую опровергая, как, например, это делал его верный паладин министр иностранных дел Энтони Иден в своих мемуарах. Основой для этого послужат их письма, дневники и воспоминания (правда, уже весьма подредактированные авторами, в отличие от эпистолярия и записок Чемберлена).

И все же читатель вправе спросить: чем сегодня, в XXI веке, может быть нам интересен этот джентльмен с зонти-

²² The Neville Chamberlain Diary Letters. V. 4: Volume 4: The Downing Street Years, 1934–1940. Edited by Robert C. Self. L., 2000. P. 48.

²³ Feiling K. Life of Neville Chamberlain. L., 1946; reissued with a new Preface and Bibliography 1970.

ком и хищным профилем, считающийся одним из самых грандиозных неудачников XX века? Пожалуй, тем, что он кардинально отличался и от своих предшественников, и от своих преемников, и от коллег. Отличался образом мышления, тем, что ненавидел войну всем своим существом, хотя ни в каких военных действиях участия никогда не принимал, в отличие от многих бывших фронтовиков Первой мировой, то и дело подталкивающих мир к новой страшной катастрофе. Отличался сферой политических интересов, социальной, человеческой направленностью своих чаяний. Отличался происхождением, отличался образованием, точнее сказать — отсутствием классического для политиков «Оксбриджа». Отличался смелостью, из-за которой его считали трусом. Отличался тем, что в таком грязном деле, как политика, оставался джентльменом. Джентльменом с зонтиком. Это прозвище прикрепило к нему еще в 1920-е и умерло вместе с ним 9 ноября 1940 года.

Несмотря на то, что Чемберлен вполне органично встраивался в первую половину XX века, его взгляды, его намерения, его идеи — главная из которых: «не допустить войны в целом, навсегда» — тогда не прижились. Британской империи нужны были полководцы, а не миротворцы, но ее жители хотели одного — мира. Этим и объясняется популярность премьер-министра среди простых граждан вплоть до его смерти. Даже в марте 1940-го Невилл Чемберлен имел 57 процентов поддержки населения, что для демократического государства — весьма высокий уровень, тем более в военный период.

И сегодня, когда планета сталкивается с новыми угрозами, когда даже отъявленные «ястребы» признают, что в войне не бывает победителей, что война — это поражение²⁴, стремление Чемберлена к такому опошленному, но такому необходимому миру во всем мире все же заслуживает пересмотра. Да и сам он, однозначно поданный когда-то как «сумасшедший зловещий монстр», может быть представлен читателю более объективно, без прикрас и идеологических подоплек, со всеми своими мыслями, чувствами, деяниями. Ведь Невилл Чемберлен все-таки в первую очередь был человеком, а уж замечательным или нет, в этом читатели смогут разобраться самостоятельно, прочитав эту книгу.

Сентябрь 2018, Москва

²⁴ См., к примеру: <http://www.svoboda.org/a/2343398.html>

Глава I
«ХУДШИЙ ИЗ СЫНОВЕЙ» (1869–1916)

*Несмотря на все трудности, которые ты переносишь, я должен признаться, что завидую твоей возможности продемонстрировать все свое мужество*²⁵.

Джозеф Чемберлен

Удивительно, но один из самых ярких миротворцев XX века родился в семье, которая войнам всегда симпатизировала. Бизнес Чемберленов, будь то производство обуви, чем они занимались изначально, с XVIII века, или походных железных коек, производство которых появилось куда позже и дало благодатную почву для остроловов вроде Дэвида Ллойд Джорджа, в военный период расцветал. На момент рождения Невилла (18 марта 1869 года) Чемберлены были уже известными промышленниками Бирмингема и вместе со своими родственниками по фамилии Неттлфорд имели крупное производство, специализирующееся на винтах, шурупах и прочих запчастях для машин. Бизнес был прибыльным, успешным, что позволяло семье вести весьма обеспеченную жизнь.

Джозеф Чемберлен, будущий «строитель империи» и отец двух видных политиков — Остина и Невилла — был первым из девяти детей в семье. Родители имели возможность дать ему прекрасное образование, какое требовалось человеку практического рода занятий, то есть бизнесмену. Он окончил престижную школу в Камберуэлле и Университетский колледж Лондона. Разумеется, это не Итон, не Оксфорд и не Кембридж — подобные учебные заведения предназначались для людей иного класса, которые через пару десятков лет будут искренне удивляться, обнаружив Джозефа Чемберлена на одной скамье с собой в палате об-

²⁵ 17 September 1891 from Joseph Chamberlain.

шин. А поначалу он поступил на фабрику отца как простой рабочий, который делает башмаки.

Вскоре, конечно, Джозефа перевели в бухгалтерию, но приобретенный опыт нахождения в рабочей среде он запомнит на всю жизнь, и первые его шаги в политике будут связаны именно с помощью тем людям, которые работали на его фабриках. Для таких людей очень скоро из руководителя и фабриканта Джозеф Чемберлен превратится в «нашего Джо».

Его интерес к политике был отчасти следствием интересов бизнесмена. Он замечал, что сокращение рабочего дня (а в тот период работали по 12–15 часов) благотворно сказывается на производительности труда и что рабочий, который умеет хотя бы читать и писать, работает лучше безграмотного. С этим и были связаны его первые инициативы в политической и административной деятельности в родном Бирмингеме, где в 1869 году он основал Национальную лигу образования²⁶. В этом же году родился его второй сын от второго брака — Невилл. Первый брак Джозефа трагически оборвался в 1863 году, когда при родах первого сына — Остина — скончалась его жена Гарриетт.

И Гарриетт, и вторая жена Флоренс, мать Невилла, происходили из многочисленной семьи Кенриков, весьма известной и уважаемой в Бирмингеме. Семья эта довольно давно переехала в Бирмингем из Уэльса. В религии Кенрики придерживались унитариянства с оттенками ранней приверженности к гугенотству (одно из направлений протестантизма). Сам же Джозеф, несмотря на формальную причастность к унитариям, был едва ли не атеистом, причем в определенном смысле даже «воинствующим», что проявлялось в его борьбе за отделение церкви от школьного образования, а в более смелых планах — и от государства²⁷. В конце 60-х — начале 70-х годов XIX века подобные «передовые взгляды» были не то что нетипичны для британского подданного, а считались вызывающе революционными. Если уж Чемберлен во что-то истово и верил, так это в свою страну и в ее людей, о чем он позже скажет в своей знаменитой речи: «Во-первых, я верю в Британскую империю; во-вторых, я верю в британскую расу. Я верю, что

²⁶ *Marsh P.* Joseph Chamberlain: entrepreneur in politics. New Haven: Yale University Press, 1994. P. 34–55.

²⁷ *Crosby T. L.* Joseph Chamberlain: A Most Radical Imperialist. L., 2011.

британцы — величайшая из имперских рас, какие когда-нибудь знал мир»²⁸.

В духе свободного вероисповедания воспитывались и его дети; ни псалмами, ни религиозными поэмами вроде «Христианского года» Джона Кибла их не изнуляли. Окончательно же разувериться в Господе Джозефа Чемберлена заставила вторая трагедия, постигшая его семью. Так же, при родах следующего ребенка, скончалась и Флоренс, а мальчик, появившийся на свет, прожил всего несколько часов.

Сам Невилл практически не помнил своей матери, ему не исполнилось еще и шести лет, когда она умерла. О том, что он никогда больше не увидит мать, ранним февральским утром ему сообщила «тетя Луи» — Луиза Кенрик, младшая сестра Флоренс. Это стало одним из самых первых и ярких воспоминаний мальчика. Все, что у него осталось на память о матери, — медальон и несколько книг. И ему, и Остину, хотя он ввиду возраста уже чуть меньше в этом нуждался, каким-то образом заменить маму старалась их старшая сестра Беатрис. С отцом же после этой трагедии отношения Невилла как-то странно разладились, точнее, приобрели отчужденный, ледяной характер, как будет он вспоминать впоследствии: «В течение многих лет я, скорее, уважал и боялся, нежели любил его»²⁹.

Уважать Джозефа Чемберлена действительно было за что. На тот момент (февраль 1875 года) он был уже более полутора лет лорд-мэром Бирмингема и за этот небольшой период сделал для города столько, сколько до него никто не делал. В первую очередь наладил газо- и водоснабжение, сосредоточив коммунальное хозяйство в руках администрации города, а не частных компаний, которые до этого распоряжались ресурсами. Это значительно снизило расходы на газ и воду для всех слоев населения, а Бирмингему помогало развиваться со стремительной скоростью. Он боролся с трущобами в центре города, строил больницы, школы, дороги, повышая привлекательность Брама³⁰ для инвестиций.

Но главное, с чем боролся будущий ярый империалист Чемберлен, — это классовое неравенство. «Классовость»,

²⁸ *Petrie Ch. Joseph Chamberlain. L., 1940. P. 61.*

²⁹ *Feiling K. Life of Neville Chamberlain. L., 1946. P. 3.*

³⁰ Брам (*Brum*) — сокращенное название города Бирмингема (Birmingham).

абсолютно органичную, неотъемлемую даже до сих пор часть британского естества, Чемберлен открыто презирал. Как презирал и правящий класс: «Что касается “респектабельных”, то я не ожидаю и не желаю их поддержки. Если я что-нибудь значу, то только как представитель рабочих, и я хочу попасть в парламент главным образом для того, чтобы обеспечить справедливый учет их требований»³¹, — говорил Чемберлен в начале 1870-х годов и своей политической карьеры. Его речи звучали абсолютно социалистским образом, в рассуждениях он замахивался даже на британскую святая святых — монархию, подчеркивая: «Я не испытываю большого ужаса при мысли о возможном становлении республики в нашей стране... рано или поздно это случится»³².

Так усиленно и самозабвенно Джозеф Чемберлен работал, чтобы отвлечься от невеселых мыслей, которые после пережитых им смертей двух жен неизменно его посещали. Себе он уже отказал в праве на счастье, да и вообще эдакое «мещанское» личное счастье для него было неприемлемо. «Никто не имеет права быть счастливым в этом жестоком мире»³³, — как-то обронил он в тот период. Но в счастье общественное он верил и стремился обществу это счастье обеспечить.

На таком своеобразном фоне прошло детство Невилла. Остин тогда учился в школе Регби, а после получал образование в Кембридже, поэтому он частенько был далек от дома и во всей этой атмосфере не варился. Невилл же, как и любой ребенок, впитывал все это как губка. Вероятно, именно в этом и кроются дальнейшие социальные устремления младшего Чемберлена, хотя сам он о политике даже не помышлял, не говоря уже об отце, который для этого поприща готовил старшего сына. Более того, политическая деятельность вызывала у Невилла отторжение. В школе он признавался товарищу, что никогда не будет связывать свою жизнь с политикой, мотивируя это тем, что видит, как тяжело его отцу даются подготовки к выступлениям в парламенте и во что превращается их дом в это время.

Но все-таки детство Невилла Чемберлена нельзя однозначно назвать несчастным, несмотря на постигшие се-

³¹ *Hamer D. A. Liberal Politics in the Age of Gladstone and Roseberry.* Oxford, 1972. P. 44–45.

³² *Petrie Ch. Joseph Chamberlain.* L., 1940. P. 20.

³³ *Feiling K. Life of Neville Chamberlain.* L., 1970. P. 2.

мью трагедии. Он жил в прекрасном имении в пригороде Бирмингема Эджбастон, у него было четверо замечательных сестер, дружбу с которыми он пронес через всю свою жизнь, и даже имелся собственный шотландский пони по имени Том Тамб (имя фольклорного персонажа Мальчикас-пальчика), на котором он с удовольствием катался.

Безмятежность детства, правда, довольно скоро осталась позади, когда Невилл отправился учиться в привилегированную школу Регби. Остин в то время ее уже оканчивал, но мог создать определенную протекцию своему младшему брату, хотя и поучал его с высоты своих восемнадцати лет. Учился поначалу младший Чемберлен плохо, в школе ему вообще не нравилось. Но когда табели с неудовлетворительными оценками попали к отцу и тот был этим весьма раздосадован, Невилл решил более его не огорчать и успеваемость подтянул. Довольно легко ему давалась математика, но сам он больше всего тяготел к естествознанию. Предложения присоединиться к дискуссионному клубу, какие тогда были неизменным атрибутом привилегированных школ (а именно в таких клубах будущие политики делали свои первые политические шаги, оттачивая на одноклассниках полемические навыки перед парламентом), решительно отвергал.

Школьные годы чудесные закончились для младшего Чемберлена в 1887-м. О том, чтобы он, как и Остин, продолжил образование в Кембридже, не могло идти и речи. Во-первых, и сам Невилл туда не рвался, все-таки это была прежде всего кузница политических кадров, да и к высшим наукам он не тяготел. Во-вторых, учеба там была слишком дорогостоящим делом, а Джозеф Чемберлен официально оставил бизнес еще в 1874 году, готовя себя к политике. Состояние его на тот момент насчитывало от 100³⁴ до 120³⁵ тысяч фунтов по разным источникам, что в сегодняшнем эквиваленте соответствовало бы порядка пяти миллионам американских долларов³⁶. Сумма немалая, но за эти годы и она истощилась. К тому же Джозеф уже был видным политиком, а расходы, в том числе и на избирательные кампании во Всеобщих выборах, только увеличивались. Так что

³⁴ *Crozier A. J. Neville Chamberlain. Oxford, 2004.*

³⁵ *Feiling K. Life of Neville Chamberlain. L., 1970. P. 7.*

³⁶ Для упрощения понимания сегодняшних эквивалентов приводимых в тексте сумм читатели могут смело умножать их на 50, чтобы получить приблизительный современный аналог в долларах США.

младшего Чемберлена ждал бизнес. «Если юность Остина была максимально облегчена, то про Невилла можно сказать с точностью наоборот»³⁷.

Для изучения наук практического применения его определили в Мейсоновский колледж Бирмингема. Колледж сам по себе был очень неплох, более того, на его основе именно стараниями Джозефа в 1900 году наконец-то учредили Бирмингемский университет. Одновременно с его младшим сыном в колледже изучал курс лекций по металлургии и юный Стенли Болдуин, будущий предшественник Невилла на посту премьер-министра, лидер консерваторов (который оставит после себя довольно своеобразное политическое наследство).

В колледже Невиллу понравилось значительно больше, нежели в школе. Возможно потому, что там не было крикета, который он невзлюбил, к тому же в нем проснулся интерес к учебе и познанию. Он с удовольствием изучал теорию Дарвина (впоследствии будет даже преподавать дарвинизм в воскресной школе), испытывал интерес к трудам популяризатора науки Томаса Гексли. В этот период Невилл был практически предоставлен сам себе. Сестры его учились в школах и домой возвращались только на каникулы, отец все время проводил в Лондоне, будучи уже видным политическим деятелем, а Остин покорял Кембридж. Возможно, это вынужденное одиночество отразилось на характере Невилла, который, по свидетельству его учителя, был «скромным, даже склонным к застенчивости»³⁸.

В это время Невилл продолжает увлекаться естествознанием и особенно орнитологией. Он встает еще до рассвета, чтобы послушать пение птиц, научиться различать их голоса, вполне соответствуя общему представлению о склонном к романтизму викторианском юноше. На двадцатилетие ему подарили первую лошадь, и он с восторгом на ней охотился в сопровождении своего любимого пса.

На его мачеху Мэри — третью и последнюю жену Джозефа — Невилл, несмотря на свой уже взрослый возраст, произвел впечатление юноши незрелого. Отчасти из-за того, что был не слишком разговорчив, особенно с гостями дома, которые с удовольствием стали приезжать на приемы Чемберленов. Младшего Чемберлена куда больше интере-

³⁷ The Neville Chamberlain Diary Letters. V. 1: Making of a politician, 1915–1920. Edited by Robert C. Self. L., 2000. P. 41.

³⁸ *Feiling K. Life of Neville Chamberlain. L., 1970. P. 10.*

совали жуки и птицы, нежели беседы о политике за сигарой и бренди. Действительно, многие сверстники Невилла из его круга уже осознанно готовили себя к парламентской деятельности, живо интересовались происходящим и в Империи, и за ее границами, а также вовсю отдавались романтическим приключениям. Младшему Чемберлену это все было чуждо, он был несколько замкнут, склонен скорее к созерцательной деятельности, хотя обладал ясным и живым умом. Но все-таки благодаря именно Мэри, ее появлению в жизни Джозефа, ее молодости, легкости, прелести в общении отношения отца и сына заметно потеплели.

Тогда же Невилл Чемберлен впервые побывал в Париже, Венеции и Египте. Французский он знал еще очень плохо, что помешало ему в полной мере насладиться Францией. Зато в Египте он познакомился за обедом у премьер-министра с тогда еще полковником Китченером³⁹ (с которым они все время проговорили о цветах, тот оказался таким же страстным поклонником природы). Сам Египет впечатлил молодого человека настолько, насколько может впечатлить абсолютно другая, чуждая, неблизкая культура. Все-таки Невилл был Чемберленом, а не Жаном Франсуа Шампольоном, знаменитым египтологом, расшифровавшим древнеегипетские иероглифы. Как Невилл охарактеризовал та-нец дервишей: «Интересно, но не очень приятно»⁴⁰ — так в целом можно охарактеризовать и его впечатление об этой стране. Домой он возвращался, не скрывая радости, однако долго оставаться в Бирмингеме ему было не суждено.

Осенью 1890 года в Монреале Джозеф Чемберлен встретился с губернатором Багамских островов сэром Амбросом Ши. Встреча эта стала роковой для него, но особенно для его младшего сына. Губернатор Ши горел идеей выращивания сизаля, специфического растения, из которого изготавливают корабельные канаты. Это дело, по словам Ши, сулило огромнейшие прибыли, 30 процентов годовых, что существенно поправило бы оскудевший бюджет Чемберленов. Джозеф, вдохновленный словоохотливым губернато-

³⁹ *Горацио Герберт Китченер (Kitchener; 1850–1916)* — выдающийся британский военный деятель, в 1902–1909 годах — главнокомандующий британскими войсками в Индии; военный министр в 1914–1916 годах.

⁴⁰ *Feiling K. Life of Neville Chamberlain. L., 1970. P. 15.*

ром, тут же принимает решение о резервировании 30 тысяч акров под плантации сизаля. Для исследования возможностей этого предприятия он отправляет двух своих сыновей (Остин находился с ним в поездке, через океан перебираться пришлось Невиллу, срочно вызванному телеграммой).

Братья Чемберлены прибыли в Нассау, столицу Багамских островов, под Рождество. Их приезд, безусловно, стал событием местного масштаба, встречали их бурно, «даже чересчур, это было слишком преувеличенно. Дальний конец зала был украшен нашими инициалами в зеленых листьях»⁴¹. Но праздники праздниками, а Джозеф передал им смету, по которой они должны были сравнить расходы и возможные прибыли. Братья объехали несколько островов, причем младший держался куда более стойко, чем старший: у Остина развилась морская болезнь, «он все время стонал и искал свой плащ». Невилл же и здесь наслаждался созерцанием природы, особое впечатление на него произвели фламинго, «плывущие, подобно розовым лебедям». Братья разговаривали с плантаторами, среди которых были и цветные, общались с туземцами, последним островом их посещения стал довольно болотистый Андрос. Только к февралю они наконец-то вернулись в родной Бирмингем.

Слаженного отчета представить отцу братья не смогли, но все-таки описали перспективы по выращиванию сизаля как довольно благоприятные. Остин полагал, что Невиллу достаточно будет раз в год бывать на плантациях, чтобы контролировать там работу, однако Джозеф рассудил иначе: бизнес должен находиться под постоянным контролем. И в мае 1891 года младший Чемберлен прибыл в Нассау. Для начала он заново объехал острова, подыскивая место для разбивки плантаций. Острова были еще практически девственными, и будущему плантатору пришлось продирааться сквозь густые кустарники. Из всех представленных локаций более всего подошел Андрос, где и было решено начинать предприятие. 6 июня Невилл написал отцу письмо, в котором «с чувством глубокого удовлетворения» общался, «что первая часть дела с успехом завершена. Я выкупил землю, подписал соглашение с губернатором. <...> Я уверен, что нашел лучшее место на Багамах»⁴².

И все же Багамы сами по себе острова весьма специфичные, а в конце XIX века природа там распорядилась

⁴¹ *Feiling K. Life of Neville Chamberlain. L., 1970. P. 17.*

⁴² 6 June 1891 to Joseph Chamberlain.

куда увереннее, нежели человек. Население Андроса составляло около трех тысяч туземцев, поселения их были разрозненны, ни о какой инфраструктуре говорить не приходилось. Чемберлену нужно было построить не только производственное предприятие для сборки урожая и обработки растений, но и жилище для себя. В первые пять месяцев он жил в хижине, работал по 12 часов в день, при этом лично зачищая остров от растительности топором или мачете и не всегда успевая даже поесть. Для человека двадцати одного года это была очень серьезная школа жизни.

К тому же тропический климат Багам давал о себе знать. Помимо тысяч moskitov и других насекомых, которые кусались и обеспечивали бессонницу, опасными для человека были и деревья с кустарниками. Ожегшись о листья одного из них, ядовитого, Чемберлен мрачно записывал в дневнике, что ноги его «покрылись черными волдырями, многие из которых уже полопались»⁴³. Джозеф из-за океана писал сыну, что «этот опыт, безусловно, сформирует твой характер. <...> Несмотря на все трудности, которые ты переносишь, я должен признаться, что завидую твоей возможности продемонстрировать все свое мужество»⁴⁴. Отец добавлял, что выше всего ценит здоровье Невилла и что он не должен рисковать им, но младший Чемберлен в первый год своего пребывания на острове не мог и подумать о том, чтобы отказаться от личного присутствия там.

Кроме бытовых и физических трудностей Невилл столкнулся еще и с тягостью одиночества. У него было несколько друзей в Нассау, но он не часто мог позволить себе навещать столицу Багам. Ближайшим же белым его соседом на острове был рыжебородый шотландец сомнительной репутации, который жил в трех милях от него, но эти три мили (пять километров) приходилось продирается сквозь заросли кустарников, карабкаться по холмам, одна дорога занимала половину дня, и только за первые полгода юный Чемберлен стер десять пар башмаков. Так что всего себя он посвящал переписке, в первую очередь с сестрами, особенно со старшей Беатрис. Правда, письма доставлялись на остров раз в две недели, зато неизменно приносили огромную радость. «Получил 13 писем, все утро их поглощаю»⁴⁵, — хвастался

⁴³ 18 July 1891; diary.

⁴⁴ 17 September 1891 from Joseph Chamberlain.

⁴⁵ 1 July 1891 to Beatrice Chamberlain.

он Беатрис, а позже писал: «...каждую ночь я мечтаю, что вернусь, и мы с тобой будем прогуливаться вокруг дома, в саду, на конюшне... Но я не тоскую, мне тут есть, чем себя занять»⁴⁶.

Помимо работы, которой не уменьшалось, Невилл в основном читал и изучал природные особенности острова. К 1893 году островная жизнь наконец стала как-то обустраиваться. Его дом был достроен, он сажал в саду кокосовые и фиговые деревья. За тем, чтобы он нормально питался, был здоров и не переутомлялся, присматривала супруга его белого управляющего плантациями миссис Ноулс, хотя Невилл, как капризный ребенок, от заботы уклонялся: «...если она вздумает нянчиться со мной, то об этом пожалует». Но, к сожалению, через некоторое время она скончалась от тропической болезни прямо у него на руках. Удачи чередовались с неудачами так часто и так причудливо, что пребывание Чемберлена на острове было сродни опасному аттракциону, где захватывающий дух взлет перемежается с головокружительно пугающим падением.

Таким же противоречивым становился и его характер. Из-за отсутствия собеседников его круга он огрубел, ведь большую часть времени он проводил среди туземцев, а лучшими его друзьями стали кубинские собаки, Дон Жуан и Чип. Первого кто-то отравил, а второй, по выражению Невилла, был «страшен, как смертный грех», но все равно — хороший пес. Однако при всей этой наносной грубости, в основном проявлявшейся в его переписке, он лично лечил заболевших негритят средствами из своей домашней аптечки. Для них же он выстроил школу, а их родителей, его рабочих, отучивал от пристрастия к самогону, который гнали все подряд из подручных растений. В 1944 году Фейлинг писал⁴⁷, что дети тех туземцев, которые работали у мистера Чемберлена, до сих пор вспоминают его имя с благословением. Да и заезжавшие на Андрос гости отмечали изменения в поведении местных аборигенов⁴⁸.

С уверенностью можно констатировать, что социальная деятельность на Андросе удалась 25-летнему Невиллу Чемберлену лучше, чем бизнес. Если первый урожай сизаля все-таки появился, то рабочие, срезавшие листья машинами, привезенными из Британии, срезали их слишком ко-

⁴⁶ 9 September 1891 to Beatrice Chamberlain.

⁴⁷ *Feiling K. Life of Neville Chamberlain. L., 1970. P. 26.*

⁴⁸ *Ibid. P. 25.*

ротко, и для переработки в волокно листья эти не годились. Ту же небольшую часть, что все-таки удалось переработать, американские покупатели приобретать отказывались, так как волокно было слишком толстым и коротким. Ко всему прочему остатки первого урожая уничтожил пожар в конце 1895 года, из-за которого чуть не сошел с ума управляющий мистер Ноулс, и без того тяжело переживающий смерть жены.

Чемберлен на чудо уже не надеялся и честно писал отцу в январе 1896-го о том, что, скорее всего, новый урожай будет ничтожным, если вообще будет. Джозеф же отступать от своего плана не хотел и напоминал сыну девиз их семьи «*Je tiens ferme*» («Я стою твердо»; *фр.*). Но твердо стоять на земле, которая в принципе не предназначалась под выращивание сизаля, было очень трудно. К лету 1896 года это стало совершенно очевидным. Чемберлены потеряли порядка 50 тысяч фунтов в этой аванюре. Невилл предложил провести на Багамах еще десять лет, чтобы все-таки добиться результата, но старший Чемберлен наконец внял голосу рассудка и такой жертвы от сына не принял. В марте 1897-го младший Чемберлен прощался с Андросом, жители рыдали, по его собственному признанию, благодаря его за школу, банк, их новую жизнь. Сам же Невилл был опечален не только провалом своей миссии и огромными убытками, которые понесла семья, но и тем, что «мои люди снова вернутся к их прежней безрадостной жизни».

Тем не менее подобные колониальные проблемы теперь должны были куда больше занимать Джозефа Чемберлена, который получил портфель министра по делам колоний. И первое, что сделал старший Чемберлен, учредил, в том числе и на собственные деньги (а не только на средства из бюджета), Лондонскую школу гигиены и тропической медицины, вдохновленный рассказами Невилла, на собственной коже испытавшего, что такое укусы багамских насекомых и ожоги ядовитых растений. Белые колонисты гибли от малярии и других местных заболеваний, к тому же царившая в колониях антисанитария не способствовала повышению уровня жизни. Джозеф перенес свой опыт лорд-мэра Бирмингема в данных вопросах на новое колониальное поле игры и выиграл. Даже его противники признавали, что он знал, как эффективно улучшить здраво-

охранение, и ему это удалось⁴⁹. И теперь из «нашего Джо» регионального масштаба он стал «нашим Джо» для всей Британской империи.

Невилл же прибыл домой мрачный, но не смирившийся. Можно только предполагать, каких внутренних усилий и ран ему стоило все это, но воспитанное в столь сложных условиях чувство долга и ответственности не давало ему опускать руки. Чтобы как-то отыграться за Андрос и финансовые потери, он начал вникать в дела семейных фабрик, следил за жизнью рабочих и, как в начале карьеры его отец, стал понимать все эти тяготы и заботы, лично их наблюдая. Он не только занимался фамильным бизнесом, но и приобрел свой в 1897 году, присоединив к фабрикам семьи фирму «Хоскинс», занимающуюся выпуском металлических каркасов для кроватей. «Таким образом, из колониалиста я снова превращусь в провинциала»⁵⁰, — писал Невилл. И здесь его усилия дали наконец-то свои плоды, бизнес стал приносить доход, а сам он легко вжился в роль управляющего уже белыми рабочими. Он знал многих из них по именам, учредил им пенсионные выплаты, стал оплачивать больничные. И за те годы, что были посвящены бизнесу, младший Чемберлен оказался одним из немногих фабрикантов того времени, кто ни разу не столкнулся с рабочими забастовками.

Если еще в 1900 году в письме своему багамскому другу Альфреду Гринвуду Невилл замечал, что «не начал думать о политике, как о возможной для меня карьерной перспективе»⁵¹, то все-таки социальное реформаторство его, очевидно, привлекало. Он стал изучать и муниципальные проблемы своего родного города, с которыми так или иначе сталкивался, в первую очередь как фабрикант. Все те же проблемы образования, здравоохранения, продолжительности трудового дня рабочих, их пенсий, социальных выплат были еще актуальны. К тому же заложенные Джо-зефом основы городских преобразований уже практически себя исчерпали, и к 10-м годам XX века в городе нарастало социальное недовольство. С 70-х годов XIX века население

⁴⁹ *Marsh P. T. Joseph Chamberlain, entrepreneur in politics. New Haven, 1994.*

⁵⁰ 30 October 1897 to Alfred Greenwood.

⁵¹ 7 October 1900 to Alfred Greenwood.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru